

Личностные особенности и отношение к возрастным стереотипам пожилых людей, пострадавших от психологического насилия

Я.Ю. ГОРФАН

аспирант Московского городского психолого-педагогического университета

С.Н. ЕНИКОЛОПОВ

кандидат психологических наук, заведующий кафедрой криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета

В статье рассмотрены и соотнесены между собой социально-демографические и индивидуально-психологические характеристики пожилых людей, а также их отношение к стереотипам молодости и старости. Выделены три группы — одна контрольная (пожилые люди, не имеющие опыта виктимизации) и две экспериментальные (жертвы психологического насилия в чистом виде и жертвы психологического насилия в сочетании с другими злоупотреблениями). Сделанные авторами выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении психологического насилия в отношении пожилых людей.

Ключевые слова: *пожилые люди, психологическое насилие, стереотипы, индивидуально-психологические особенности, виктимность.*

Введение

В отечественной научной литературе проблема психологического (эмоционального) насилия над пожилыми людьми освещается достаточно редко. Большинство существующих определений и критериев данного явления описывает домашнее насилие в отношении женщин и детей, в то время как старшее поколение подвергается психологическому насилию не только в семье, но и в социуме, и жертвами его становятся как женщины, так и мужчины. Наиболее широко термин «психологическое насилие» раскрывает Е.Н. Волков, описывая данное явление как «социально-психологическое воздействие, преднамеренно принуждающее другого человека или группу людей к поступкам или поведению,

которые не входили в их намерения; нарушающее психологические границы личности или социальной группы, осуществляемое без информированного согласия и без обеспечения социальной и психологической безопасности индивида или группы людей, а также всех их законных прав; приводящее к социальному, психологическому, физическому или материальному вреду (ущербу)» [1, с. 192]. В работе, посвященной геронтологическому эбьюингу, П.В. Пучков называет ряд признаков эмоционально-психологического насилия, причисляя к ним такие действия, как отказ в помощи, запираение внутри помещения и препятствование в обращении за медицинской помощью, что следует относить к пренебрежительному отношению и физическому насилию соответственно [4]. Осно-

выявляясь на вышеназванных работах и результатах собственного исследования, в настоящей статье мы рассматриваем психологическое насилие как прямое или косвенное воздействие, причиняющее индивиду эмоциональный ущерб: оскорбление, унижение, запугивание, ограничение социальных контактов, утаивание важной информации и т. п.

В рамках эмпирического изучения психологических аспектов виктимности пожилых людей нами было выявлено значительное число лиц, подвергающихся психологическому насилию. Анализ социально-психологических особенностей данной группы испытуемых позволит продвигнуться в понимании факторов, способствующих становлению психологического насилия над пожилыми людьми в семье и социуме, а также выработать наиболее эффективные технологии виктимологической профилактики данного явления.

Методическое обеспечение эмпирического исследования

В проведенном нами комплексном исследовании приняли участие неработающие мужчины и женщины в возрасте 60 лет и старше, постоянно проживающие в Москве (N = 443). В ходе исследования были использованы методики: краткая шкала оценки психического статуса (Mini-Mental State Examination); методика Дембо-Рубинштейн (авторская модификация); тест М. Куна «Кто я?» (модификация Т.В. Румянцевой); пятифакторный опросник личности (адаптация А.Б. Хромова); авторский опросник для исследования социально-демографических данных и наличия опыта виктимизации от психологичес-

кого и физического насилия, мошенничества, имущественных преступлений, финансовой эксплуатации и пренебрежения; авторская анкета, исследующая отношение пожилых людей к молодежи; анкета, исследующая отношение к стереотипам старости [2].

В настоящей статье представлены данные трёх подгрупп испытуемых — пожилые люди, не имеющие опыта виктимизации, а также жертвы психологического насилия в чистом виде и в сочетании с другими формами виктимизации.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Согласно полученным данным, лишь 34,8 % (N = 154) от общего числа опрошенных не имеют опыта виктимизации, в то время как 65,2 % (N = 289) считают себя пострадавшими от одной или сразу нескольких форм виктимизации. При этом самой многочисленной группой стали жертвы психологического насилия — ему подвергаются 43,3 % (N = 192) испытуемых. Стоит отметить, что из них 56,8 % (N = 109) подвергаются психологическому насилию в сочетании с другими злоупотреблениями, в то время как 43,2 % (N = 83) считают себя пострадавшими только от психологического насилия. Таким образом, для дальнейшей статистической обработки результатов исследования нами были сформированы три группы испытуемых: контрольная группа — пожилые люди, не имеющие опыта виктимизации, экспериментальная группа 1 — пожилые люди, пострадавшие только от психологического насилия, и экспериментальная группа 2 — пожилые люди, пострадавшие от психологического насилия в

сочетании с иными злоупотреблениями. Социально-демографические характеристики испытуемых перечисленных выше групп приведены в табл. 1.

Сопоставление индивидуально-психологических характеристик респондентов контрольной и двух экспериментальных групп производилось при помощи программного пакета Statistica 10 с использованием критерия Манна-Уитни (табл. 2). С помощью Пятифакторного опросника личности мы наблюдаем в обеих экспериментальных группах более

низкие показатели по шкалам «экстраверсия-интроверсия» и «привязанность-отдаленность», что говорит об определенной замкнутости и отстраненности респондентов. В то же время отмечаются более высокие показатели обеих экспериментальных групп по шкале «эмоциональная неустойчивость-устойчивость», что указывает на наличие определенных эмоциональных проблем у испытуемых, подвергающихся психологическому насилию. Более низкие, чем в контрольной группе, показатели по шкале «мечтатель-

Таблица 1

Индивидуально-психологические характеристики испытуемых

Социально-демографические характеристики	Контрольная группа (N = 154)	Экспериментальная группа 1 (N = 83)	Экспериментальная группа 2 (N = 109)
Возраст, лет:			
60...74	55,8 %	81,9 %	65,1 %
75...89	42,9 %	18,1 %	34,9 %
90...	1,3 %	0	0
Пол:			
женский	57,8 %	85,5 %	89 %
мужской	42,2 %	14,5 %	11 %
Семейное положение:			
женаты/замужем	48,1 %	45,8 %	16,5 %
вдовы/вдовцы	37,7 %	37,3 %	68,8 %
разведены	5,8 %	4,8 %	11 %
холостые	8,4 %	12,1 %	3,7 %
Образование:			
неполное среднее	0	0	0
среднее	7,1 %	2,4 %	0
среднее-специальное	49,4 %	67,5 %	82,6 %
неполное высшее	1,9 %	0	0
высшее	38,3 %	30,1 %	17,4 %
≥ 2 высших, ученая степень	2,4 %	0	0
С кем проживают:			
с супругом(ой)	38,3 %	42,2 %	11,9 %
с супругом и детьми	8,4 %	3,6 %	4,6 %
с детьми	29,9 %	36,1 %	57,8 %
одни	23,4 %	18,1 %	17,4 %
иное	0	0	8,3 %

ность-практичность» свидетельствуют об отсутствии или недостаточности у жертв психологического насилия компенсаторных механизмов, позволяющих эффективно преодолевать негативную ситуацию. Также стоит отметить, что по шкале «контролирование-беспечность» значимые различия с контрольной группой выявлены только у пожилых людей, пострадавших от психологического насилия в сочетании с иными злоупотреблениями, в то время как у жертв только психологического насилия показатели по данной шка-

ле не отличаются от показателей представителей контрольной группы.

С помощью опросника Куна «Кто я?» значимые различия выявлены в соотношении положительно и отрицательно оцениваемых самоописаний респондентов контрольной и экспериментальных групп. Данные различия свидетельствуют о более высокой самооценке респондентов контрольной группы по сравнению с обеими экспериментальными. По методике Дембо-Рубинштейн выявлена значительно большая разница между ак-

Таблица 2

Сравнение средних значений трёх групп (в скобках указан уровень статистической значимости отличий между контрольной и экспериментальной группами)

Методика/Шкала		Контрольная группа (N = 154)	Экспериментальная группа 1 (N = 83)	Экспериментальная группа 2 (N = 109)
Пятифакторный опросник личности	Экстраверсия-интроверсия	49,71	45,37 (p = 0,01)	33,49 (p = 0,01)
	Привязанность-отдаленность	54,18	40,24 (p = 0,01)	46,79 (p = 0,01)
	Контролирование-беспечность	49,65	49,95	43 (p = 0,01)
	Эмоциональная неустойчивость-эмоциональная устойчивость	37,35	48,96 (p = 0,01)	57,96 (p = 0,01)
	Мечтательность-практичность	39,38	23,53 (p = 0,01)	23,59 (p = 0,01)
«Кто я?» (Опросник Куна)	Положительные	80,96	75,6 (p = 0,01)	65,54 (p = 0,01)
	Отрицательные	18,10	23,2 (p = 0,01)	33,01 (p = 0,01)
	Неопределенные	0,25	0,12	0,36
	Амбивалентные	0,69	1,07	1,09
Методика Дембо-Рубинштейн (разница между актуальной и идеальной самооценкой)	Здоровье	11,71	14,75 (p = 0,01)	19,19 (p = 0,01)
	Способности	14,30	14,33	15,56
	Характер	15,28	13,8	18,85 (p = 0,01)
	Счастье	14,84	14,54	20,62 (p = 0,01)
	Уверенность в себе	14,29	13,7	19,92 (p = 0,01)

туальной и реальной самооценкой у пожилых людей, подвергшихся психологическому насилию в сочетании с иными злоупотреблениями, по всем шкалам, в то время как у жертв только психологического насилия значимая разница вы-

явлена лишь по шкале «здоровье». Таким образом, мы наблюдаем ряд значимых различий в индивидуально-психологических характеристиках пожилых людей, составивших контрольную и две экспериментальные группы.

Таблица 3

Число испытуемых, согласных с предложенными утверждениями

Стереотипы старости	Контрольная группа (N = 154)	Экспериментальная группа 1 (N = 83)	Экспериментальная группа 2 (N = 109)
Пожилый человек не может учиться, ему не нужно повышать свою квалификацию, образование	70 (45,45 %)	47 (56,63 %)	65 (59,63 %)
Пожилый человек должен обязательно уйти на пенсию	62 (40,26 %)	49 (59,03 %)	61 (55,96 %)
Пожилые люди обязаны заниматься внуками	62 (40,26 %)	57 (68,67 %)	39 (35,78 %)
Все пожилые люди — консерваторы, не воспринимают ничего нового, никаких изменений в жизни	21 (13,64 %)	31 (37,35 %)	29 (26,61 %)
У пожилого человека нарушается психика	30 (19,48 %)	29 (34,94 %)	40 (36,7 %)
Пожилый человек уже не авторитет в семье, должен переходить на вторые роли, во всём слушаться своих родных	9 (5,84 %)	17 (20,48 %)	32 (29,36 %)
Пожилый человек неаккуратен, неопрятен, не заботится о своём внешнем виде	0	0	5 (4,59 %)
Общественная работа для пожилого человека тяжела	16 (10,39 %)	22 (26,51 %)	66 (60,55 %)
Пожилые люди не в состоянии выполнять сложную работу, нести ответственность	48 (31,17 %)	21 (25,3 %)	46 (42,2 %)
Пожилый человек, живущий с родственниками, должен взять на себя обязанности по дому	19 (12,38 %)	34 (40,96 %)	25 (22,94 %)
У пожилого человека снижается требовательность к питанию	39 (25,32 %)	20 (24,1 %)	63 (57,8 %)

Пожилому человеку много не нужно, у него понижены запросы и потребности, в т. ч. в материальном достатке	29 (18,83 %)	23 (27,71 %)	47 (43,12 %)
Пожилой человек не способен вести интимную жизнь	85 (55,19 %)	51 (61,45 %)	56 (51,38 %)
Пожилые люди не могут понять молодежь	45 (29,22 %)	40 (48,19 %)	70 (64,22 %)

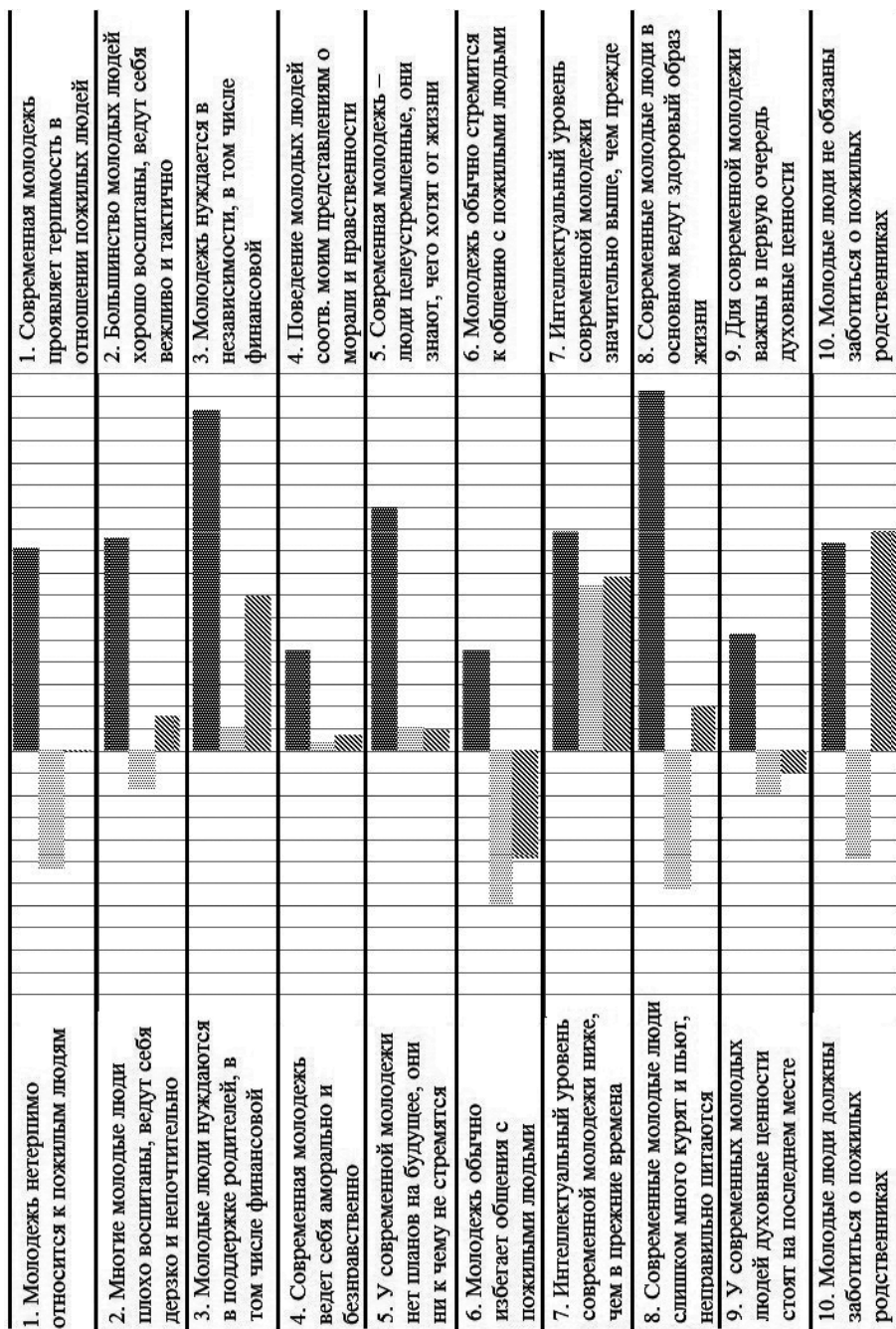
Отношение пожилых людей к возрастным стереотипам изучалось при помощи двух анкет, в которых респондентам предлагалось выразить своё согласие или несогласие с рядом утверждений. В первой анкете представлены 14 утверждений, описывающих наиболее распространённые в обществе стереотипы старости [2]. Мы можем видеть, что испытуемые контрольной группы в меньшей степени согласны с рядом предложенных утверждений, нежели испытуемые двух экспериментальных групп (см. табл. 3). Вторая анкета была направлена на изучение отношения пожилых людей к молодому поколению — в неё вошли 10 парных утверждений, выделенных авторами при интервьюировании респондентов в ходе пилотажного исследования.

Полученные данные указывают на то, что испытуемые, вошедшие в контрольную группу, в целом более позитивно воспринимают молодое поколение, чем испытуемые обеих контрольных групп (рисунок). Наибольшие различия наблюдаются в представлениях респондентов касательно образа жизни современных молодых людей и их отношения к старшему поколению. По нашему мнению, имеющиеся у респондентов экспериментальных групп негативные установки по отношению к молодёжи могут выступать в качестве одного из факторов риска психологического насилия, поскольку в ряде ситуаций пожилые люди могли спровоцировать нападение определенными

высказываниями. В то же время такого рода представления могли сформироваться уже как ответная реакция на агрессию со стороны молодых людей. Стоит отметить, что нами также были опрошены молодые люди с применением анкеты в отношении стереотипов старости, результаты данного опроса и их соотношение с ответами пожилых людей планируется представить в последующих публикациях.

Выводы

Полученные в ходе исследования результаты позволяют соотнести различающиеся характеристики испытуемых контрольной и экспериментальных групп друг с другом. Так, среди жертв психологического насилия как в чистом виде, так и в сочетании с другими формами виктимизации встречается намного меньше мужчин, чем в контрольной группе. В то же время респонденты экспериментальных групп в целом несколько моложе, чем респонденты контрольной группы, и уровень их образования более низок. Стоит отметить, что больше половины пожилых людей, подвергающихся психологическому насилию в сочетании с другими злоупотреблениями, проживают совместно со своими детьми и являются вдовами/вдовцами. Эти данные соотносятся с личностными особенностями респондентов — в экспериментальных группах более

■ Контрольная группа
 ■ Экспериментальная группа 1
 ▨ Экспериментальная группа 2

Рисунок. Отношение респондентов трёх групп к молодым людям

высокий уровень интроверсии и отчуждения, а самооценка значительно ниже, чем в контрольной группе.

Одним из важнейших открытий, сделанных в ходе исследования, является то, что респонденты экспериментальных групп более склонны соглашаться как с негативными стереотипами старости, так и с отрицательными утверждениями касательно молодых людей. По мнению Н.В. Мешковой и С.Н. Ениколопова, предубежденность индивида по отношению к какой-либо группе тесно связана с его враждебностью в целом [3]. Следовательно, мы можем предположить, что отношения жертв психологического насилия с окружающими носят достаточно напряженный характер и вполне могут выступать в качестве отягчающего фактора, влияющего на процесс виктимизации пожилых людей.

Таким образом, представленные в настоящей статье результаты исследования определенно свидетельствуют о существенных социально-демографических и индивидуально-психологических различиях между пожилыми людьми, являющимися жертвами психологического насилия, и теми из них, кто не подвержен данному явлению. Наибольший

интерес представляет вопрос принятия или непринятия возрастных стереотипов, описывающих как пожилых, так и молодых людей. С одной стороны, принятие и следование стереотипам старости может выступать в качестве существенного фактора риска психологического насилия. С другой стороны, негативное отношение к молодым людям так же способно спровоцировать различного рода нападения со стороны последних.

В то же время выявлены и существенные различия в личностных особенностях пожилых людей, что указывает на необходимость дальнейшего проведения множественного корреляционного анализа. Не менее важным является изучение характера взаимоотношений потерпевших пожилых людей с теми, кто совершает по отношению к ним различные злоупотребления. Мы полагаем, что данная работа позволяет выявить ряд психологических закономерностей, сопутствующих процессу виктимизации пожилых людей, что, в свою очередь, имеет практическую значимость для разработки методов профилактики жестокого обращения с пожилыми людьми в целом и психологического насилия в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Е.Н. Критерии, признаки, определения и классификации вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие // Журнал практического психолога. 2002. № 6.
2. Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. № 7.
3. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Предубежденность в контексте свойств личности // Психологический журнал. 2010. № 4.
4. Пучков П.В. Геронтологический эбьюзинг как предмет социологического исследования // Социология: методология, методы, математические модели. 2006. № 23.
5. Русина В.В., Повалюхина Е.В. Сравнительная оценка влияния социальных и психологических факторов на реализацию агрессивных криминальных действий против жизни и здоровья психически здоровыми женщинами и женщинами с психическими расстройствами // Социальная психология и общество. 2012. № 3.

Personality Traits and Attitudes to Age Stereotypes in Elderly People Suffering from Psychological Abuse

Y. YU. GORFAN

PhD student, Moscow State University of Psychology and Education

S.N. ENIKOLOPOV

PhD in Psychology, head of the Chair of Criminal Psychology, Department of Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

The paper reviews and compares socio-demographic and individual psychological characteristics of elderly persons and their attitudes towards the stereotypes of youth and old age. The following three groups of subjects participated in the study: one control group (elderly people with no experience of victimization) and two experimental ones (victims of psychological abuse per se and victims of psychological abuse combined with other types of maltreatment). The conclusions drawn by the authors can be employed in further research on psychological abuse against elderly people.

Keywords: *elderly people, psychological abuse, stereotypes, individual psychological features, victimity.*

REFERENCES

1. Volkov E.N. Kriterii, priznaki, opredeleniya i klassifikatsii vredyashogo psihologicheskogo vozdeistviya: psihologicheskoe travmirovaniye, psihologicheskaya agressiya i psihologicheskoe nasilie // Zhurnal prakticheskogo psihologa. 2002. № 6.
2. Kovaleva N.G. Pozhilye lyudi: social'noe samochuvstvie // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. № 7.
3. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Predubezhdenost' v kontekste svoistv lichnosti // Psihologicheskii zhurnal. 2010. № 4.
4. Puchkov P.V. Gerontologicheskii eb'yuzing kak predmet sociologicheskogo issledovaniya // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli. 2006. № 23.
5. Rusina V.V., Povalyuhina E.V. Sravnitel'naya ocenka vliyaniya social'nyh i psihologicheskikh faktorov na realizatsiyu agressivnykh kriminal'nykh deistvii protiv zhizni i zdorov'ya psihicheskimi zdorovymi zhenshinami i zhenshinami s psihicheskimi rasstroistvami // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2012. № 3.